

ИННА ВРОНСКАЯ

БЫВШИЕ НЕНУЖНАЯ ЖЕНА

Инна Вронская

Бывшие. Ненужная Жена

«Автор»

2026

Вронская И.

Бывшие. Ненужная Жена / И. Вронская — «Автор», 2026

— Представляешь, — звенел голос девицы, — когда Вера узнает, что этот дом мы строили для нас? Она так старалась, подбирала каждый сантиметр — Перестань, — муж прервал ее страстным поцелуем. — Вера старуха, уже отыграла свое. У меня загудело в ушах. Положительный тест на беременность в правом кармане потяжелел до тонны, словно неподъёмный камень. — А ребенок? — не унималась Лика — Ты же говорил, она хочет второго. Вдруг чудом забеременеет? И тогда мой муж, мужчина, которого я любила половину своей жизни, отец моей дочери, сказал то, что навсегда отпечаталось в моем мозгу раскаленным железом. — Если она и забеременеет, я не приму ребенка. В сорок лет рожать — это безумие. Родится инвалидом, и кто будет виноват? Я не готов воспитывать неполноценного ребенка ради ее капризов. Старые женщины должны уходить достойно!

© Вронская И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Инна Вронская

Бывшие. Ненужная Жена

Глава 1

Кажется, в этот самый миг остановилось время. Замерло, перестало дышать вместе со мной. Я сидела на краю холодной ванны, вцепившись пальцами в акриловый край, и не могла оторвать взгляд от маленького пластикового окошка. Две полосы.

Две.

Розовые, четкие, как выжженная судьбой черта, отделяющая «до» от «после». От моего старого, привычного мира — к новому, сияющему, о котором мы с Димой шептались по ночам, прижавшись друг к другу в темноте.

«Вера, ты у нас уже немолодая, рисковать нельзя», — ворчал врач, и я кивала, сжимая в кармане кулачки. А в душе кричала: «Молчу! Молчу!» Молчу, потому что верю. Потому что хочу. Потому что наша Лиза уже большая, ей двенадцать, а в ее комнате так пусто без детского смеха, без крошечных носочков на сушилке.

Я подошла к зеркалу, касаясь ладонью еще плоского живота. Сорок лет. Для кого-то — рубеж, начало заката. А для меня сегодня — рассвет. В глазах горел тот самый огонек, который Дима когда-то называл «огоньком Князевой». Он говорил, что ради этого огонька готов на все.

«Мамочка, у тебя сегодня лицо светящееся», — сказала утром Лиза, за завтраком. Я лишь улыбнулась, поцеловала ее в макушку и подумала: подожди, дочка, скоро узнаешь.

Дима. Мой Дима. Сильный, уверенный, с проседью на висках, которую я так люблю целовать. Строитель домов, создатель нашего гнезда. Сегодня я расскажу ему. Не дома, среди кастрюль и разбросанных игрушек. А там, где он — король, где он — творец. На новом объекте. В том самом доме-мечте у озера, в строительство которого он вложил душу, а я — сердце, продумывая каждый сантиметр.

Я надела его любимое платье — цвета утреннего неба. Nargfume — те духи, что он подарил на годовщину. В карман пальто сунула тот самый тест, словно талисман. Пусть он почувствует, пусть угадает, еще до слов. Я представляла, как подхожу к нему сзади, пока он стоит у панорамного окна, обнимаю, прижимаюсь к его широкой спине и шепчу на ухо: «Папа».

Дорога до коттеджного поселка пролетела как одно мгновение. Я пела вместе с радио, и даже пробки не смогли испортить настроение. Вселенная пела со мной в унисон.

Машин у дома не было. «Значит, клиенты еще не приехали, мы успеем», — с облегчением подумала я. Припарковалась за углом, решила пройти через черный ход — тот самый потайной лаз в коммуникациях, который мы с Димой придумали для будущих хозяев как маленькую интимную деталь. Наш с ним секрет.

Внутри пахло свежей краской и деревом. Тишина была звенящей, торжественной. Я крадась по коридору, как вороватый ребенок, боясь спугнуть собственное счастье. И тут услышала голоса. Из главной спальни. Женский смех. Легкий, серебряный. И низкий, грудной смех Дмитрия. У него гости? Но он сказал, что презентация позже...

Я замерла в дверном проеме. И мир, тот самый, что застыл у меня в ванной, вдруг рухнул со страшным грохотом, разлетелся на миллионы острых осколков, которые впились мне в сердце, в душу, в самое нутро.

Под хрустальной люстрой, что я вешала, мечтая, как ее свет будет ласкать лица счастливых новоселов, на огромной кровати, застеленной бельем, которое я выбирала, лежали они.

Мой муж. И его помощница, двадцатипятилетняя Ли́ка. Девочка с глазами лани и хищной улыбкой, которую я опекала, как родную.

Я не дышала. Не могла. Горло сжал тугой, болезненный ком.

— Представляешь, — звенел голос Ли́ки, — когда Вера узнает, что этот дом мы строили для нас? Она так старалась, подбирала каждый сантиметр...

— Перестань, — Дима прервал ее поцелуем. — Вера уже отыграла свое. Ее время прошло.

У меня зазвенело в ушах. Рука сама потянулась к стене, ища опоры.

— А ребенок? — не унималась Ли́ка, и в ее голосе слышалась сладкая, ядовитая провокация. — Ты же говорил, она хочет второго. Вдруг забеременеет?

И тогда мой муж, мужчина, которого я любила половину своей жизни, отец моей дочери, сказал то, что навсегда отпечаталось в моем мозгу раскаленным железом. Его голос был холодным, ровным, без единой нотки сомнения.

— Если она и забеременеет, я оформлю все так, что она сама захочет его рожать. В сорок лет рожать — это эгоизм. Ребенок-инвалид — это пожизненное наказание. Я не готов воспитывать неполноценного ради ее женских капризов. Старые женщины должны уходить достойно!

В глазах потемнело. Я невольно качнулась, и пол подо мной ушел куда-то вниз. Они услышали. Дима резко повернул голову. Его взгляд, сначала испуганный, через секунду стал жестким, каменным. Он не вскочил, не попытался прикрыться. Он медленно поднялся, смотря на меня с вызовом, с каким-то оскорбительным презрением.

— Ну что, подсматриваешь? — его голос резанул слух, как стекло. — Хочешь урок на будущее? Запомни: старые женщины должны уходить достойно.

Каждое слово было ударом хлыста.

— Ты думала, я буду целовать твои растяжки и целлюлит? Мечтать о ребенке, когда твои яйцеклетки давно как высохшие листья?

Я чувствовала, как белеют мои костяшки, сжимающие край дверного косяка.

— Ты мне нужна была для бизнеса — твой вкус, твои связи. Но для ребенка... Ребенка я хочу от молодой и здоровой. От Ли́ки.

Он сделал паузу, добивая меня, глядя прямо в мои широко раскрытые, невидящие глаза.

— Уходи достойно. Не позорься. И выбрось из головы свои старческие бредни о материнстве. Для тебя уже слишком поздно.

В кармане моего пальто лежал тест с двумя розовыми полосками. Лежала наша мечта. Лежало мое разбитое сердце. Я не помню, как развернулась. Как пошла. Как вышла на холодный, пронизывающий ветер. Я шла, а внутри была лишь одна мысль, один вопрос, обращенный в пустоту: «Господи, как же я теперь буду жить?»

Глава 2

Дверь захлопнулась за мной с таким грохотом, что, казалось, содрогнулся весь дом. Его дом. Уже не наш. Никогда больше.

Я стояла в прихожей, дрожа как в лихорадке, и пыталась дышать. Но воздух был отравлен. Он вонял его ложью, его пошлым, животным предательством. Меня снова начало тошнить, не от токсикоза, на этот раз — от осознания. Осознания того, что последние пятнадцать лет я жила с существом, в котором не было ничего человеческого.

Я бросилась в комнату Лизы, моей девочки, моего единственного чистого света в этом кошмаре. Слепыми, дрожащими руками я стала сгребать ее вещи в чемодан. Платья, учебники, потрепанного мишку... Каждая вещь обжигала память. Вот это платье — на ее первом сентябля. Вот эта книга — мы читали ее вместе втроем, укутавшись одним пледом.

Ложь. Все было ложью.

— Уже сбегаешь?

Я вздрогнула, обернувшись. Он стоял в дверном проеме, прислонившись к косяку. Совершенно спокойный. На его лице не было ни тени стыда, ни раскаяния. Только легкая усталость, будто он наблюдал за надоедливym спектаклем.

— Я... я не могу даже дышать с тобой в одном помещении! — выдохнула я, и голос мой сорвался на истеричный шепот. — Ты... ты осквернил все! Наш дом, нашу кровать, наши воспоминания!

Он усмехнулся. Коротко, презрительно.

— О, не начинай этот дешевый спектакль, Вера. Ты всегда была умнее этого.

— Умнее? — я захохотала, и смех мой прозвучал дико и ненормально. — Я была дура! Слепой, доверчивой душой, которая считала тебя человеком!

— Человеком? — он поднял бровь. — Милая, давай начистоту. Я — мерзавец. Эгоистичный, циничный ублюдок. Я всегда им был. С самого начала нашего знакомства. Ты просто не хотела этого замечать. Тебе был нужен красивый фасад, и я его тебе предоставил.

От его слов, от этой леденящей откровенности, у меня перехватило дыхание.

— Так почему?.. — прошептала я. — Почему ты женился на мне? Зачем были все эти годы? Ребенок?

— Ты была идеальной женой для карьеры, — пожал он плечами, как будто объяснял очевидные вещи. — Умная, красивая, с связями. Но все имеет срок годности, Вера. Мне надоело. Надоела твоя вечная правильность, твоя зрелая красота. Мне захотелось... молодого, свежего тела. Грубо? Да. Но честно. Мое нутро требует разнообразия, и я не вижу смысла себе в этом отказывать. Я мужик и я хочу разнообразия в своей интимной жизни!

Он сделал шаг вперед, и его глаза, такие знакомые и любимые, смотрели на меня с холодным, научным интересом.

— Успокойся. Вернись в спальню. Прими таблетку от нервов. Завтра все будет как раньше. Ты будешь моей женой, а я... буду твоим мужем. Все просто.

«Как раньше». Эти слова стали последней каплей. Во мне что-то взорвалось. Вся боль, все унижение, вся ярость вырвались наружу.

— НИКОГДА! — закричала я так, что, казалось, задрожали стекла. — Никогда ничего не будет «как раньше»! Ты слышишь?! Я ненавижу тебя! Я презираю каждую клетку твоего тела!

Я подбежала к нему, сжимая кулаки, готовая разорвать его в клочья.

— А знаешь, что самое смешное, Дмитрий? — голос мой снова стал шепотом, но теперь это был шипящий, ядовитый шепот. — Я беременна. Да, твой «отработанный материал», твоя «старая жена» носит под сердцем твоего ребенка. Ребенка, которого ты назвал больным уродцем, не успевшим родиться!

На его лице впервые промелькнула эмоция. Не радость. Не раскаяние. Быстрая, как вспышка, досада. Раздражение.

— Вот черт... — прошептал он. — Ну вот, осложнения... Вера, будь благоразумна. Ты же не хочешь рожать его?

Я не дала ему договорить. Моя ладонь со всей силы врезалась в его щеку. Звонко, сочно, с чувством глубокого, животного удовлетворения.

— Это — за нашего ребенка, — прошипела я, глотая соленые слезы. — Это — за каждую растяжку, которую ты презираешь! Это — за мою растоптанную душу!

Он провел рукой по щеке, на которой проступал красный след. В его глазах вспыхнул гнев, но он сдержался.

— Успокойся. Ты не в себе.

— О, я как никогда в себе! — я схватила чемодан и рванула к выходу. — Я уезжаю. И знай, Дмитрий, я сделаю все, чтобы мой сын никогда, ты слышишь, НИКОГДА не узнал, что у него был такой отец. Для него ты умер сегодня.

Я выбежала на улицу, хлопнув дверью так, что, казалось, она слетела с петель. Бежала к машине, к свободе, к спасению, и ветер высушивал слезы на моих щеках. Позади оставался не муж, не любовь, не жизнь. Позади оставалось чудовище. И я была счастлива, что наконец-то увидела его настоящим лицом.

Глава 3

Школа. Я стояла у ворот, кутаясь в пальто, и пыталась придать своему лицу хоть какое-то нормальное выражение. Изнутри вырывался гул детских голосов, и вот-вот должна была появиться Лиза. Моя девочка. Мой якорь.

Когда она выбежала, запыхавшаяся, с сияющими глазами, у меня сжалось горло. Какой же ясной и чистой была ее жизнь еще утром. И как я должна была ее осквернить.

— Да, солнышко, сюрприз, — выдавила я, обнимая ее. — Поедем к бабушке с дедушкой. Ненадолго.

Она радостно ахнула, и ее восторг был мне укором. Я везла ее не на праздник, а в изгнание.

Дорога растянулась в мучительную пытку. Лиза болтала, а я кивала, сжимая руль, и в голове стучала одна-единственная мысль: «Изменник. Мерзавец. Ублюдок». Я ненавидела его. Ненавидела каждой клеткой своего тела, каждым обожженным нервом.

Я представляла, как врежу ему в эту самодовольную физиономию снова и снова. Не пощечину, а кулаком, чтобы хрустнули кости. Чтобы он почувствовал хоть тень той боли, что он мне причинил. Эта ярость была живой, зубастой, она рвалась наружу, и я с трудом сдерживала ее, чтобы не напугать Лизу.

Мы подъехали к родительскому дому, когда уже смеркалось. В окнах горел свет — такой родной, такой надежный. Я заглушила двигатель и несколько секунд просто сидела, набираясь смелости.

Дверь открыл отец. Он, как всегда, прямой, подтянутый, с седым ежиком волос и внимательными глазами бывшего военного.

— Вера? Лизанька? Что случилось? — его взгляд сразу уловил неладное.

Мы вошли. Пахло пирогами и детством. Мама вышла из кухни, вытирая руки о фартук. Ее улыбка замерла, когда она увидела мое лицо.

И тут во мне что-то оборвалось. Все стены, которые я выстраивала всю дорогу, рухнули.

— Он... он изменил, — выдохнула я, и голос мой предательски задрожал. — С Ликой. Своей помощницей. Я... я все видела.

Я не стала вдаваться в ужасные подробности. Просто сказала, что видела. Но, кажется, вся моя боль, весь ужас и унижение читались на моем лице.

Наступила тишина. Потом отец медленно поднялся с кресла. Его лицо, обычно спокойное, стало каменным. Глаза сузились до щелочек, в них загорелся ледяной, знакомый с детства огонь.

— Где он? — прозвучало тихо, но с такой силой, что по коже побежали мурашки. — Я спрашиваю, где этот...недоумок? Ты дала ему все! Мы ему все дали! Помогали, поддерживали! А он... — Отец с силой ударил кулаком по столешнице, так что задребезжала посуда в буфете. — Я ему кости переломаю. Я ему покажу, что значит предавать мою дочь!

Он был страшен в своей ярости. И в этот миг его гнев стал моим гневом. Его жажда мести — моей жаждой. Да, пусть придет. Пусть покалечит его. Он этого заслужил. Он заслужил все.

— Дедуля, не надо! — тоненький, испуганный голосок Лизы прорезал напряженную тишину.

Все обернулись на нее. Она стояла, прижимая к груди своего плюшевого мишку, и смотрела на отца большими, полными слез глазами.

— Папа... папа плохой. Но дедуля, не надо драться. Маме и так плохо.

И тогда я не выдержала. Слезы, которые я сдерживала все эти часы, хлынули потоком. Я опустилась на колени и прижала Лизу к себе, рыдая в ее тоненькую шею.

— Мамочка, не плачь, — она гладила меня по волосам своей маленькой рукой. — Мы с тобой. Все будет хорошо.

— Нет, Лизанька, — сквозь рыдания выдохнула я. — Все не будет хорошо. Все... все гораздо хуже.

Я подняла на родителей заплаканное лицо.

— Я беременна.

В комнате снова воцарилась тишина, но теперь уже другого качества. Гнев отца схлынул, сменившись ошеломленной растерянностью. Мама ахнула, прижав руку ко рту.

— Он... он знает? — тихо спросил отец.

— Знает, — я горько усмехнулась. — И сказал, что в мои годы рожают только инвалидов.

У мамы вырвался сдавленный стон. Отец побледнел. Он медленно опустился в кресло, и вдруг этот сильный, нестигаемый человек показался старым и беспомощным. Его гнев, такая надежная и простая штука, разбился о жестокую реальность.

Он смотрел на меня, и в его глазах читалась такая боль, такая бессильная ярость, что моя собственная ненависть к Дмитрию вспыхнула с новой силой. Я ненавидела его не только за себя. Я ненавидела его за сломанную веру отца. За слезы матери. За испуг в глазах моей дочери.

Мама первая пришла в себя. Она подошла, обняла нас с Лизой и тихо, но очень четко сказала:

— Все. Никуда вы не денетесь. Это твой дом. Рожай спокойно. Будем помогать. А с этим... с этим человеком, — она с трудом выговорила слово, — Мы вычеркнем его из жизни!

Я кивнула, прижимаясь к ее плечу. Закон. Суд. Алименты. Это все будет. Но сейчас, в этой тихой комнате, пахнувшей пирогами, под надежным крылом родителей, с дочерью в обнимку и с сыном под сердцем, я впервые за этот бесконечный день почувствовала не злость. Не ненависть. А хрупкую, дрожащую, но — надежду.

Глава 4

Три года.

Я научилась засыпать без слез. Научилась улыбаться, глядя на свое отражение. Научилась носить короткие волосы и острую челку, скрывавшую слишком выразительный взгляд. Я построила себе новую жизнь, как строят дом — сантиметр за сантиметром, с любовью и терпением. И мне казалось, что фундамент залит на века.

Мой маленький домик на окраине города, где пахло яблочным пирогом и детством. Моя работа — дизайнером в скромной, но уютной фирме «Проект-Сервис». И мой сын... мой здоровый, крепкий Максимка, чье рождение стало моим личным торжеством над всеми его словами о «больной помеси». Каждый вечер, засыпая, он шептал:

— Мама, а папа приедет когда-нибудь?

И каждый раз сердце мое сжималось, но я отвечала ровным голосом:

— Он далеко, солнышко. Очень далеко.

Я врала. Но это была ложь во спасение.

А еще был Владимир. Наш прораб, мужчина с руками, знающими толк в работе, и с тихим, спокойным голосом. Он приносил Лизе книги, а Максиму — конструкторы. И несколько раз, застенчиво и неуверенно, приглашал меня в кафе, в кино, просто прогуляться.

Я отказывала. Вежливо, но твердо.

Стены моей крепости были еще слишком высоки, а шрамы — слишком свежи. Я боялась. Боялась снова довериться. Боялась снова оказаться той дурой, которую так легко обменяли на молодое тело.

Но сегодня... Сегодня был юбилей фирмы. И я надела платье. Не просто красивое. А то самое, из дорогого бутика, в котором когда-то блистала на его стороне. Бирюзовый шелк, от которого глаза казались бездонными. Я смотрела в зеркало и не узнавала себя. Это была не та сломленная женщина, что уезжала три года назад. Это была новая Вера. Сильная. Уверенная. Готовая если не забыть, то жить дальше.

Я вышла из дома с решимостью в сердце. Сегодня, возможно, я скажу Владимиру «да». Возможно, его тихая, надежная доброта — именно то, что мне нужно.

Зал ресторана сиял и переливался. Хрустальные люстры, блики на бокалах, гул голосов. Я стояла, держа в руке бокал с шампанским, и улыбалась. Искренне. Впервые за долгое время я чувствовала себя не матерью-одиночкой, не жертвой, а просто женщиной. Желанной. Прекрасной.

И вот он подошел. Владимир. В новом костюме, с чуть взъерошенными волосами и смущенной улыбкой.

— Вера, вы сегодня... вы просто неотразимы, — произнес он, и в его глазах читалось неподдельное восхищение.

Я улыбнулась ему в ответ, чувствуя, как щеки заливают румянец.

— Пригласите меня танцевать, Владимир.

Его рука на моей талии была теплой и твердой. Мы закружились в потоке музыки, и я позволила себе расслабиться, закрыть глаза, положить голову ему на плечо. Он пах лесом и свежестью. И впервые за три года в глубине души что-то оттаяло, раскрылось навстречу этому спокойному, надежному теплу. Может быть, это и есть счастье? Не ослепительная вспышка, как когда-то, а ровный, мягкий свет?

И в этот самый миг, самый незащитный и прекрасный, мир рухнул.

Музыка смолкла. Голос нашего директора, Олега Петровича, оглушительно радостный, прорезал зал:

— Дорогие друзья! У меня потрясающая новость! Наша компания выходит на новый уровень! Мы объединяемся со столичным гигантом «Князев-Хаус»!

У меня перехватило дыхание. Сердце замерло, а потом рванулось в бешеной скачке. Нет. НЕ МОЖЕТ БЫТЬ. Этого не может быть.

— И наш новый генеральный директор — Дмитрий Князев!

Он вышел на сцену. Такой же. Совершенно такой же. Безупречный костюм, безупречная улыбка, безупречная, ледяная уверенность. Его взгляд, холодный и цепкий, скользнул по залу, и... остановился на мне. На мне в моем бирюзовом платье. На моих коротких волосах. На моих глазах, в которых, я знала, читался животный, первобытный ужас. И на руке Владимира, все еще лежавшей на моей талии.

Шок.

Он был не просто эмоцией. Он был физическим ощущением. Ледяная волна ударила в грудь, выжигая воздух из легких. Зал заплыл перед глазами, поплыл, закружился. Ноги стали ватными, и я едва устояла, схватившись за рукав Владимира.

«Нет, нет, нет, нет...» — стучало в висках, сливаясь с бешеным ритмом сердца. Это кошмар. Это должно быть кошмарным сном. Сейчас я проснусь в своей постели, в своем доме, в своей безопасности.

Но нет. Он был настоящим. Он стоял там, на сцене, и смотрел на меня. Смотрел с тем же выражением, что и три года назад — с холодным, научным интересом. Как будто наблюдал за реакцией подопытного кролика на электрический разряд. Его каштановые волосы еще больше подернулись сединой, волевой подбородок был вздернут вверх.

Бывший муж взял микрофон. Его голос, низкий и бархатный, донесся до меня сквозь нарастающий гул в ушах.

— Благодарю за теплый прием, — его голос, низкий и бархатный, заполнил зал. — Для меня большая честь возглавить компанию с такой... славной историей и таким перспективным будущим. — Он сделал паузу, его взгляд скользнул по мне, задерживаясь на долю секунды дольше, чем нужно. — Знаете, в бизнесе, как и в жизни, иногда совершаешь стратегические ошибки. Теряешь ценные активы, недооцениваешь кадры... — Он снова посмотрел на меня, и в его глазах заиграли знакомые чертики насмешки. — И потом годы уходят на то, чтобы осознать: некоторые ресурсы — не возобновляемы. А некоторые... некоторые просто ждут, когда к ним вернется хозяин и расставит все по своим местам.

По залу прошел сдержанный гул. Владимир нахмурился, его рука непроизвольно сжала мою талию

— Я всегда славился тем, что довожу начатое до конца, — продолжил Дмитрий, и его голос приобрел стальной оттенок. — И если уж берусь за проект, то не отступаю, пока не получу желаемый результат. Как бы ни сопротивлялись... обстоятельства.

Он не спускал с меня глаз. Каждое его слово было обращено лично ко мне. Он не говорил о любви. Он говорил о праве собственности.

— Так что считайте, что я вернулся, чтобы завершить один очень важный, давно начатый проект. И на этот раз, — он слегка наклонил голову, и его улыбка стала шире, откровеннее, — я гарантирую — финал будет именно таким, каким я его задумал.

Аплодисменты грянули с новой силой. Но для меня они звучали как погребальный звон. У меня закружилась голова. Я вырвалась из объятий Владимира.

Он смотрел прямо на меня. Прямо в меня. Каждое его слово было шипом, вонзающимся в плоть. Он не каялся. Он не просил прощения. Он заявлял права. Как на вещь. Как на собственность, которую случайно упустил и теперь решил вернуть.

Тошнота подкатила к горлу, горькая и неудержимая. Звездочки поплыли перед глазами.

— Мне... плохо, — выдавила я, вырываясь из объятий Владимира, который что-то говорил, что-то спрашивал, но я уже не слышала.

Я побежала. Просто побежала, не видя ничего перед собой, спотыкаясь о стулья, отталкивая людей. Мне нужно было бежать. Бежать отсюда. Бежать от него. В свой дом. К своим детям. В свою крепость, которая внезапно показалась хлипким картонным домиком.

Гардероб. Я, дрожащими, не слушающимися руками, сунула номерок гардеробщице, и та протянула мне мою шубу. Бирюзовый шелк платья теперь казался мне саваном. Каждое прикосновение ткани к коже было ожогом.

Я накинула шубу на плечи и, не застегивая, рванула к выходу. Морозный воздух должен был меня отрезвить. Должен был вернуть реальность.

— Вера.

Голос. Тот самый. Сладкий, как сироп, и холодный, как лед. Прямо за спиной.

Я замерла на месте, не в силах повернуться. Сердце в груди заколотилось так, словно хотело вырваться наружу.

Он подошел ближе. Я чувствовала его тепло, его запах — дорогой парфюм, смешанный с тем, что был когда-то так знаком и любим. А теперь вызывал лишь один импульс — бежать.

— Уже уходишь, любимая? — Его голос прозвучал как обжигающий шепот в полумраке гардеробной. — Скажи честно, Вера, ты правда думала, что я позволю другому забрать то что принадлежит мне?

Бывший муж сделал шаг вперед, отрезая мне любой путь к отступлению.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.